

# «Слова, что невесомы, точно время»

Зоя Дякина

\*\*\*

Нам тысячи раз так  
доходчиво все разъясняли:  
Мол, нет ничего, разве  
только мечта вдалеке,  
Но вдруг понимаешь,  
конечно, поближе к финалу:  
Я только клинок, я всего  
лишь клинок, но в руке.

И, если то замрут, то несутся  
как можно быстрее,  
Но их подгонять бесполезно,  
как и замедлять.  
Я только лишь парус,  
всего только парус на рее,  
Я жду дуновения ветра,  
как ты – корабля.

И, может быть, я не дождусь,  
но зато уж с размахом.  
И пусть осыпают деревья  
свои лепестки:  
Я только перо, а точнее,  
всего лишь бумага,  
Желтеющий лист  
в ожидании первой строки.

Пусть множество дней  
и ночей понапрасну сгорело,  
Никто над судьбой  
не рыдает: смешон этот плач.  
Только флакончик, но знай,  
что внутри – кантарелла,  
Я только топор, но пойми:  
меня держит палач.

\*\*\*

В час, когда день померкнет,  
Город шагами мера,  
Ждать – так, как ждут смерча,  
Ждать – так, как ждут смерти:

Ждать – хоть не будет толка,  
Ждать – ожиданье немо,  
Ждать – и чертить только  
Круг – но его вне мы.

Очи возденешь горю,  
Только они не канут –  
Этих минут горы,  
Этих часов камни.

Ждешь – и мгновенья боле  
Здесь неподвластны праху.  
Жди – так, как ждут боли,  
Жди – так, как ждут страха.

Целого или части,  
Выдоха или вдоха –  
Жди – так, как ждут счастья,  
Чтоб от него слдохнуть.

\*\*\*

В твоих словах такая тишина,  
Которая, возможно,  
только снится  
Всем нам,  
и открывается страница  
Окна.

В коротких жестках  
барышни-на-час  
Такие паузы,  
что дышится неровно,  
И оплывает ветреной короной  
Свеча.

В невыносимой близости  
конца

Всего на свете (ибо неприкаян) –  
Дрожит рука,  
как будто выпускает

Птенца.  
В необратимой прелести  
разлук  
Попытки выстрела  
нарочно не прощая,  
Ты вновь в колчан  
смирненно возвращаешь  
Стрелу.

В безлунье, на безрыбье,  
в конуре,  
В безумии, что кажется  
безмерным,  
Дыханье обрывается,  
и меркнет  
Апрель.

И в этой невозможности  
дышать –  
Такая горечь и печаль больная,  
Какую не поймешь  
и не узнаешь,  
Спеша.

\*\*\*

В мирах, где кареты, лошади,  
Есть статуи – в полный рост  
Стоят на дворцовой площадке,  
И у городских ворот.

В садовой тени, под ивами,  
Где воздух – что твой эфир,  
Несчастные и счастливые,  
Глаза – голубой сапфир.

Достанет сапфировых глаз  
и черт –  
Ограбить фантазию.  
Проносится стаи ласточек,  
Проносится вдале, на юг.

Но все же бывает разное,  
К примеру, такой просчет:  
Отгычется несуразная,  
Усядется на плечо.

И фразы простые, рваные –  
Слеза голубых камней,  
И сердце, ох оловянное,  
Колотится все сильней,

И память пестрит зарубками  
До самых седых волос.  
Сердчишко-то больно хрупкое:  
Взяло – и разорвалось.

Но вы не берите в голову,  
В компанию и в расчет.  
Ведь это – комочек олова,  
Не что-нибудь там еще.

\*\*\*

*Алексею Гаскарову*

На всякое время  
найдется герой,  
Пусть вовсе нехватка героев.  
Такие, как он,  
не становятся в строй,  
Не ведают общего крва.

Пусть даже грозит  
планомерный каюк  
(Сам Зевс от него не укроет) –  
Такие, как он, не шагают  
в строю

Ахеян, плывущих на Трою.

Фортуна, удачу горстями  
рассыпъ:  
Она пригодится, не скрою,  
Ведь в этих ладонях любые часы  
Берут – и выходят из строя.

И вот за кого  
постоять бы горой,  
За волк и сердце прямое,  
А если сумеешь – осенней порой  
Уймь ненасытное море.

Но если намечен  
последний приют  
И сердце безжалостно воеет –  
Позволь ему пасть, хоть  
в неравном бою,  
Зато не клонясь головою,

А после – найди  
подостойней перо  
Да мстителей пару отрядов...  
На всякое время  
найдется герой.  
Хватило бы тех, кто рядом.

\*\*\*

Остановись. Не слышно  
крика сов.  
Остановись, и в блеске  
перламутра

Не обернись  
на циферблат часов,  
Не спрашивай, что  
станется наутро;

А карандашный силуэт сотри,  
Чтоб самого себя обезоружить,  
Ведь разрывает вены изнутри  
Безжалостней, чем  
лезвием – снаружи.

Ведь, радужку расплавив  
о зрачок,  
Ты обжигашешь плоть  
сердцебиеньем  
И знаешь все слова наперечет –  
Слова, что невесомы,  
точно время.

И вновь испуганно бежишь  
от этих слов,  
Ведь сказаны они не раз,  
не двадцать,  
А жизнь опять уходит на излом –  
Как под гору, и некуда деваться.

И вновь бредешь, считая:  
раз, два, три, –  
Скрипишь,  
как шестеренки колмаги,  
А кровь вскрывает вены  
изнутри  
И капает словами на бумагу.

\*\*\*

Пять минут ожидания  
у телефонной кабины  
И щелчок у виска –  
так осечку дает карабин...  
Ностальгия в крови –  
выше уровня гемоглобина,  
И отнюдь не причиною  
пониженный гемоглобин.

Телефон-автомат,  
вероятно, один на весь город,  
Рогоулина трубки  
и десять загвазданных цифр.



Ностальгия в крови – этот  
острый, тоскующий голод  
По несбывшемуся,  
прогрызающий, словно резацы,

Невесомое тело души,  
в один миг поглупевшей...  
Приступ памяти вызвать –  
как нитку в иголку продеть.  
А казалось – что странного  
в этой прогулочке пешей,  
А казалось – что нового  
мне повстречается здесь?

Ничего: телефон-автомат  
да гудение в трубке,  
Как и в прежние годы,  
с шипением напололам.  
Ничего: только сотни  
и тысячи легионских, хрупких  
Слитков памяти – дрогнувших,  
треснувших, как зеркала.

Ностальгия в крови –  
по письму или по телеграмме,  
По звонку на домашний  
из будки на первом углу  
И по глупости, что  
превращала комедию в драму,  
Если трубку не брали...

Разбитая будка – как рама,  
За которую смотришь,  
но видишь одну лишь золу.

Только руки невольно  
потянутся к трубке, и прежний  
Номер пальцы по памяти  
медленно вновь наберут  
В ожидании гудков,  
что глухое шипенье разрежут.  
Может, землетрясение,  
а может, дрожание рук...

Набранного Вами номера  
не существует

\*\*\*

Проходишь по Садовым,  
не спеша.  
Ты старше тех, с кем  
были здесь когда-то.  
Ты старше.  
Перелистываешь даты  
И памяти раскручиваешь шар.

Троллейбус «Б» ползет  
по кольцевой,  
И солнце отражается  
в витринах.

Которых не было тогда –  
и слишком зримо  
Все перемены, и от них –  
хоть волком вой.

Вновь повторяешь  
пройденный маршрут,  
Заученный до боли,  
до мозелей,  
Но пахнет не дождем –  
аэрозолем  
И острой пылью, даже поутру.

Проходишь круг, и,  
взгляд подбросив ввысь,  
Ты видишь только щит –  
и тот рекламный.  
Четыре ветра,  
собираясь кланом,  
Десяток туч приносят  
грозových.

Десяток лет назад он  
был смешон –  
Тот ветер, что грозу  
на город гонит:  
Сейчас, поскольку зонт  
забыт в вагоне,  
Ты опускаешь ниже кашпонов.

Пройдешь квартал  
знакомый поперек,  
Храня внутри звенящий голос  
боли

И понимаешь: ты не мене  
и не боле,  
Чем загнанный,  
израненный зверек,

Ведь кашпонов спасает  
от дождя,  
А не от слез и памяти,  
что режет:  
Ты старше тех, с кем  
здесь бывали прежде, –  
Сейчас, сегодня,  
город бороздя.

Ты старше их, и этого простить  
Не можешь ни себе,  
ни тем, кто рядом,  
Ведь эти раны  
неспособны зарости.  
Ты помнишь всех, кто был  
с тобой в пути.  
Ты старше их, и нет иной  
отрады,  
Чем имена их вслух  
произнести.